

Энн Нельсон
САМОЗАБВЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СВОБОДА ВЫБОРА ЛИШЬ ИЛЛЮЗИЯ

18+

Энн Нельсон
Самозабвение
Серия «Загнанные», книга 3

<https://litres.ru/73759594>

SelfPub; 2026

Аннотация

После встречи с тенью прошлого моей семьи вся жизнь превратилась в черно-белое кино, у которого с самого начала было два режиссера.

Моя фигура в этой партии больше не имеет цвета. Есть только сила против силы, в центре которых мое решение. А еще тот, кто снова и снова встает на колени, чтобы не позволить мне разрушиться .

Но смогу ли я в итоге выбрать между расплатой и собственной свободой?

Заключительная часть истории Серены Морроне, в которой ей предстоит сделать самый важный выбор в своей жизни.

Содержание

Предупреждение	4
Исповедь автора	5
Пролог. Виктор	7
Глава 1. Серена	23
Глава 2. Эзра	37
Глава 3. Серена	50
Глава 4. Серена	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Самозабвение

Предупреждение

Сможете ли вы забыть после всего, что узнали?

Дорогие читатели!

Прежде чем приступить к ознакомлению с книгой, пожалуйста, обратите внимание на список возможных триггеров, которые могут встретиться в тексте:

- Подробные описания сцен насилия, включая убийства, жестокие избиения и, в частности, пытки;
- Психологическое давление и манипуляции;
- Проявления суицидальных мыслей у героев;
- Эпизоды насилия и гибели несовершеннолетних персонажей.

Напоминаю, что данная книга посвящена действиям и жизни героев в криминальном мире, а он не может существовать без описания кровавых и жестоких событий. И если вы действительно готовы снова окунуться в мир современной мафии, то можете приступать к чтению.

Исповедь автора

Пришло время заключительной части истории про Серену Морроне.

Или, может, про Катерину Висконти?

В любом случае, раз вы добрались сюда, значит готовы узнать – можно ли уйти из мира, который заставляет полностью переписать свою суть и снова найти ту часть, которую ты когда-то потерял.

Признаться честно, с самого начала мне хотелось добавить в этот цикл больше света. Сделать Серену не такой сильной - скорее, более мягкой, человеческой. Но чем глубже я погружалась в ее историю, тем больше понимала – пусть в ней есть любовь, преданность и даже дружба, она не может идти в разрез с тем миром, в котором оказалась наша героиня.

Эта книга в первую очередь про внутреннюю силу и выбор, который всегда влечет за собой последствия. Про то, на что готов идти человек, который отчаянно хочет жить и при этом не видит в этом смысла.

Книга про ту, кто даже в бесчеловечной системе всегда оставалась человеком. Сильным. Стойким. Про ту, что готова была пожертвовать всем ради счастья близких. Про ту, что боролась. До самого конца. За каждого человека, пусть даже незнакомого.

А теперь сделайте глубокий вдох. Затем выдох.

Приготовьте себе чашечку горячего чая. Возможно, даже чего-нибудь покрепче.

Теперь можете перелистнуть страницу.

И помните, что все описанное в этой книге – вымысел.

Пролог. Виктор

«Порой правде приходится носить красивую маску лжи, чтобы ее заметили»

Девять лет назад. Ночь приезда Серены в резиденцию.

- Председатель. Объясните мне причину вашего решения.

Всматриваюсь в лицо мальчишки передо мной. Он не показывал эмоций, не произносил ни слова, пока Катерина... нет... Серена была здесь. Только глаза его выдавали спрятанные глубоко внутри чувства. Но, стоило ей только выйти за дверь, паршивец тут же принял оборонительную позу.

В Николасе всегда была непоколебимая сталь и настойчивость. Но впервые я наблюдаю, как в его взгляде появляется что-то новое – ярость.

И корень ей - страх.

Чувство, которые нельзя мне показывать.

Когда мальчишка попал ко мне в руки в девятилетнем возрасте, я дал ему шанс взрастить империю, поскольку больше претендентов на роль наследника у меня не было.

Идеальный кандидат. Сирота, родители которого были убиты в ходе межклановой войны. Политических игр, которые всегда несут за собой потери. Слишком юный для того, чтобы сразу вступить в ряды солдат. Достаточно взрослый для осознания своего места в системе.

Каждый его день проходил на грани жизни и смерти, но он всегда поднимался с колен. Стал одним из лучших. Тем, кто давно заслужил уважение как командир. Даже Томас видит в мальчишке потенциал, а он редко относится к людям как к нечто большему, чем просто ходячие мишени.

Когда он прошел инициацию в организации, я сделал ему подарок – в покрытые руки кровью вложил пистолет, не дожидаясь, когда Николас выйдет из той горы трупов, которые оставил после себя. Тогда он посмотрел на меня взглядом, звучавшим громче, чем у приговоренного. Но голос был плотный, уверенный.

«Я готов».

Я не произнес слов – лишь кивнул в знак своего уважения.

С того самого дня я начал его обучать ведению партии в нашем мире.

Жестче.

Глубже.

Но я уже давно понял, что ему не стать тем наследником, которого я хочу видеть после себя. На первый взгляд у него есть все, что нужно – отсутствие слабостей, вызванными лишними привязанностями, холодная сдержанность и расчетливость. И, что не менее важно, – способность распределять свое присутствие с ледяной точностью, заставляя даже самого опасного противника почувствовать себя загнанным.

Но нет самого главного – умения просчитывать ходы наперед, создавая новые этюды в шахматной партии.

На протяжении всех этих четырнадцати лет я оттачивал его игру. Безусловно, он может победить, если выйдет против представителей обычных глав. Но чтобы выстоять против *него*, нужно гораздо больше, чем просто знание правил.

Нужна чуйка хищника, которую невозможно приобрести. Врожденный талант, наследуемый со всем адским пламенем, который идет в придачу к статусу.

- Моего решения, говоришь... - глубоко вздохнув, встаю, опираясь на трость, ставшую за эти года моей опорой, и подхожу к окну.

Удивительно, что этот мальчишка так отреагировал на ту, кого видел лишь однажды. До этого он никогда не спрашивал причину моих решений, но сейчас... Точно все эмоции, накопленные годами в теле, решили показать себя.

Ни один трон не терпит тех, кто идет против выстроенной системы.

Бесхребетный мальчишка без собственной воли решился на этот шаг. Для этого понадобился лишь один ее взгляд. Один взмах ресниц и четко выверенные движения, которые были не приобретенным навыком – они были константой, по которой жило это дитя.

Впрочем, не мудрено. Катерина Висконти точная копия своей матери. Красивая внешность, упрямый характер и огромная воля к самопожертвованию. Но ее ум, взгляд – даже Кириан является лишь подделкой. Она же идентичность.

После рассказа Рейка о произошедшем я не был уверен,

что это дитя сможет выстоять. Поддаться эмоциям и желанию покончить со своей жизнью – признак ужасного лидера. Такие люди безвольные, ими легко манипулировать. С одной стороны, мне это полезно. Но если смотреть шире – это значит заклеить фигуру на обычную пешку, без права сменить свою фигуру после хода у края доски.

Но любопытство взяло верх.

Мне нужно было посмотреть на ту, что носила в себе его ДНК.

И я увидел. Одна в похоронном зале. Отчаянный зверек, которого загнали в угол обстоятельства и собственная семья.

Но в ней было что-то еще.

Я сделал первый шаг, опираясь на свою трость.

Второй.

Люди в зале замолкли, расступились в стороны и потупили взгляд, инстинктивно почувствовав угрозу. Потому что только так происходит в этом мире. Наш мозг не всегда фокусирует внимание на важном, но тело на биологическом уровне чувствует все.

Но не Катерина. Она смотрела прямо, не дрогнув не единой мышцей тела. словно с ней в одной комнате не было смерти в живом обличье, по одному щелчку пальцев которой можно стереть из системы целое поселение. Чтобы привлечь ее внимание, мне нужно было встать перед ней, что я и сделал. Не задумываясь. Потому что мне надо было оценить ее. Надо было понять, что именно делать с этой девушкой

– забрать с собой или, обеспечив ей безопасность, оставить проживать свою жизнь.

Я хотел проверить, как это дитя поведет себя, когда встретится со мной взглядом.

И я был поражен.

Она не просто не испытала страха, но смотрела мне прямо в глаза, чего давно никто себе не позволял. Ее взгляд сразу же проскользнул по моей одежде, цепляясь за каждую мелочь, а затем по окружающее обстановке. Она изучала, выявляла любую уязвимость. Нашла ее в людях, когда ощутила их страх. Нашла в моих людях, которые стояли за моей спиной и, пусть старались этого не показывать, изучали всех, в большей степени ее. Ту, что словно отключила в себе кнопку самосохранения.

Она выделяется на общем фоне. Внутренняя собранность, которую чувствуешь за мили от ее владельца. В ней дремлет сталь, такая сосредоточенная, что даже у меня перехватило дыхание под ее взглядом, когда она заявила о своем желании отомстить.

Идеальный кандидат. Загнанный зверек, который вот-вот готовился показать свои когти. Если ее правильно воспитать, сделать совершенной – она еще сможет удивить. Стать холодным стратегом, которая будет управлять не просто корпорацией, политикой и мужчинами.

В ее руках может быть инструмент влияния гораздо большего масштаба. Именно ее фигуры мне не хватало все это

время.

Партия сложилась моментально. Ей нужна была сила и власть, чтобы отомстить, а мне нужен был тот, кто навсегда закончит эту войну.

Та, кто переиграет собственную кровь.

Я дам ей имя. Дам всю власть, что у меня имеется. Научу делать ходы в шахматной партии. Она будет той, кто пройдет через ад, но выберется из него и поставит мат обоим королям.

Та, кто навсегда сотрет допущенную когда-то ошибку.

- Ты же и сам прекрасно ее слышал. Она хочет узнать причину произошедшего с ее родными. Я обещал ее отцу, что в случае чего позабочусь об этом дитя. И если она того хочет, я помогу ей в ее цели.

В моих словах не было лжи. Я позабочусь о Серене, как и обещал Кириану. Сделаю ее той, что всегда сможет выстоять. Только так она сможет выжить.

- Но, председатель, она еще ребенок. Она заслуживает лучшей жизни, чем посвятить всю жизнь убийствам. Она встает на путь кровопролития. Вы же и сами прекрасно знаете, с кем она связывается! Можно же было ее отговорить, чтобы она жила как обычный подросток. Уверен, именно такой жизни хотели для нее родители, – Николас впервые за долгое время повысил голос, и мне даже не нужно на него смотреть, чтобы почувствовать всю внутреннюю боль.

Мальчик, который изначально должен был из пешки пе-

рерасти в ферзя, в итоге лишь стал ладьей на моем поле.

Интересно, какую роль отведет ему она, когда начнет свой путь?

- Как бы ты не хотел отгородить это дитя от выбранного пути, она сама приняла решение. Даже если бы я не протянул ей руку помощи, думаешь, она сидела бы сложа руки?

Немного погодя снова обернувшись к нему, я увидел, как Николас стоял позади, понутив голову и сжимая кулаки. Пусть я и не видел его лица, но все понял по стиснутым губам.

Эмоции... Они все еще дети, которые не научились подавлять в себе все в нужный момент.

- Жизнь не бывает ко всем справедлива, Николас. Могу тебе сказать это с высоты прожитых лет. Разница лишь в том, сможешь ли ты преодолеть все ограничения или нет. Для этого в нашем мире существуют органы правопорядка, которые регулируют людские желания. Даже нам нужно с ними считаться, иначе это верная дорога к быстрой смерти, - подойдя ближе и положив руку Николасу на плечо, я почувствовал, как его тело охватывает легкая дрожь. - Не давай эмоциям диктовать свои действия и слова. Даже когда дело касается этого ребенка. Иначе вы оба не сможете выжить в этом мире. Вы попали в самый центр криминальной империи, но должны подчиняться устоявшимся здесь законам. Я тоже не всемогущ. Ты должен это понимать, особенно после произошедшего.

Николас ничего мне не ответил.

Какие же мысли сейчас роятся в его голове?

Уверен, сейчас этот мальчишка меня презирает. И наверняка вспоминает о собственных потерях.

Когда-нибудь он поймет... Когда-нибудь они все узнают. Но до этого времени еще слишком долго.

Ты всегда теряешь и никогда не можешь вернуть обратно. Так работает этот мир. И ты либо соглашаешься с этим, либо замораживаешь все вокруг, чтобы доказать обратное. Только в этом случае без железной воли ты не выдержишь.

Никто не выдерживает.

Выдыхаю. Отвернувшись от него, смотрю в окно. За ним скрывалась непроглядная тьма, которая отражала всю мою жизнь. А теперь и жизнь этого дитя.

- Скажи мне, какой тебе показалась Серена? – мой голос не скрывал мой интерес в этом вопросе.

Мне было важно услышать мнение мальчишки на этот счет, проверить его наблюдательность и удостовериться самому в том, правильно ли я истолковал положение дел.

Я никогда ни в чем не ошибался, особенно в людях. Их эмоции, потаенные желания, страхи - все было для меня как открытая книга. И Серена не была исключением.

Но ключевое слово «была». Ее родители всегда говорили о ней как о бесстрашной, умной и бойкой девушке. Но, по их словам, в ней была еще и безграничная тяга к жизни.

Однако, тот взгляд, который был устремлен на меня в

похоронном бюро, не выдавал ничего, кроме решимости к жажде отмщения. Пусть ее родители и пытались это скрыть, но кровь не обманешь.

Черную и испорченную кровь, которая знает в этом мире только жестокость.

- Как будто ей чужды любые эмоции, - голос паршивца звучал подавленно. - Она показалась жесткой, упрямой и своевольной.

Снова посмотрев на Николаса, я увидел его задумчивое выражение лица. Все его тело держалось в напряжении, выверенном до симметричной точности. А значит, прямо сейчас он решает в своей голове очередное уравнение. И, решив его, он снова поднял свой взгляд и посмотрел на меня.

- Вам будет тяжело ее сломать, - в его голосе слышалась смесь осуждения и предостережения.

С моих губ срывается тихая и точно выверенная усмешка. Николас прекрасно осознавал, что именно я собираюсь сделать. Умный мальчик, который никогда не дает повода разочароваться в нем. Но, чувствую, с приходом Серены все изменится. Он уже к ней привязался, а это чревато для меня огромными проблемами.

Благо, я знаю, как его приструнить. Как сделать так, чтобы они оба не выходили за рамки дозволенного.

- Николас, ты будешь в ответе за нее, раз так переживаешь, - подхожу к нему вплотную и кладу руку на плечо. – Тебе придется нести ответственность за то, если с Сереной что-

то случится. За каждую нанесенную ей рану я буду оставлять на твоём теле две новых, - всматриваюсь в его глаза. – Ты готов встать на путь её защитника при таких условиях?

- Готов, - моментальный ответ и не тени сомнений в глазах.

Одна встреча в детстве, и сейчас проведенные вместе четверть часа, а он уже готов умереть за неё. Что ж, это может пригодиться для создания её новой личности. Чем больше она перенесет, тем быстрее станет той, кто сможет за себя постоять, когда *он* придет за ней. А он обязательно придет, потому что *чистая кровь* для него важнее любых законов.

Даже тех, что в нашем мире непреложны.

- Ступай. С завтрашнего дня начинай заниматься с Сереной. Ты знаешь, что нужно делать. И... позови Рейка.

Секундное замешательство, повлекшее за собой густую тяжесть, оседающую на легких.

- Вы же знаете, что он не дает пощады. Серьезно хотите, чтобы он занимался с ней? - жесткий голос Николаса эхом раздался по кабинету.

Опасения паршивца вполне оправданы. Рейк никогда не делал поблажек своим ученикам. Из-за его тренировок Николас всегда ходил по тонкой грани между жизнью и смертью.

Но если я хочу, чтобы в дальнейшем Серена смогла выжила, мне нужно, чтобы это дитя обрело силу. И только Рейк сможет справиться с этой задачей. Бывший спецназовец, ко-

того уничтожило правительство. Даже так, он никогда не переходил черту. Только он сможет подготовить детей к надвигающейся буре. Он сможет их защитить – от них самих и самое главное – от меня.

- Я все тебе сказал. А теперь ступай, - строго сказал я и взглядом поставил мальчишку на место.

Ничего не ответив, Николас повернулся и стремглав вылетел из моего кабинета. Что же, этому сорванцу тоже порой нужно проявлять эмоции. Я-то уже давно позабыл, как тяжело порой их скрывать.

Подойдя к своему столу, я взглянул на фоторамки, стоящие на нем. Всего три снимка. На одном из них все еще молодая жена и дочь. На другой я с маленьким Николасом стоим на его церемонии выпуска. И на последней... Родители Серены, которые были мне как собственные дети. Серена на этой фотографии совсем малютка.

Кто же знал, что жизнь решит поставить меня перед таким выбором?

Год назад, на охоте в горах.

- Председатель! Рад вас снова видеть!

Молодой мужчина, что предстал передо мной, выглядел совершенно другим человеком. Внешне он остался таким же - спортивное тело, легкая щетина, острый взгляд. Но что-то в нем изменилось.

С момента, как он ушел из организации и стал жить вме-

сте с женой и детьми обычной жизнью, он стал куда мягче. Тише. Но внутреннее напряжение не скроешь за внешней расслабленностью.

- Кириан. А ты изменился. От грозного и сурового мужчины не осталось и следа. Как жена и дети?

Мальчишка, которого я когда-то защитил от его отца, в моменте изменился во взгляде. Глаза заблестели, на лице широкая улыбка. Только после встречи с Анной в нем вновь заиграла жизнь, которую, казалось, полностью выжгли из его тела.

Тот, кто смог вырваться и остаться в живых. Исключение из правил.

Остается только надеяться, что так и останется.

- От вас ничего не скроешь, - мужчина смущенно засмеялся, почесав свой затылок. - Жена сейчас с детьми в охотничьем домике. С дочкой сегодня ходили тренироваться. Она стрелок даже лучше, чем Рейк.

Рейк, стоящий позади нас, коротко усмехнулся. Все знали, что он никогда не допускает неточностей в своих действиях, ориентированных лишь на уничтожение. А такое заявление Кириана, в котором не слышится родительского бахвальства, не дает усомниться в навыках этого дитя.

Даже мне стало интересно.

- Будем надеяться, что мы с ней никогда не столкнемся. Не хочу расстраивать юную принцессу.

- Ты просто ее еще не видел, - Кириан присаживается на

кресло рядом со мной. – И да, никогда не называй мою дочку принцессой. Она ненавидит это прозвище.

- Запомню.

Рейк в последний раз улыбается, а после вновь принимается следить за окружающей обстановкой. Я же неотрывно смотрю за Кирианом. Мы часто встречаемся с ним в этом лесу, когда они семьей выезжают на импровизированные тренировки дочери.

Когда он покидал организацию, то прямо сказал, что не хочет окрашивать жизнь детей в алый. Но даже если ты выходишь из мафии, она никогда тебя не оставит. Внутреннее напряжение, постоянное ожидание угрозы – все это будет преследовать тебя до конца дней.

Он боится за них. Боится своего отца, который в любой момент может прийти за его семьей. И я понимаю этот страх.

Когда-то понимал.

- Сколько ей уже? Где-то четырнадцать должно исполниться? – улыбаюсь, обращаясь к Кириану.

- Да... Она все больше становится похожей на Анну. Для своих лет она уж больна проницательна. Нам с женой все труднее от нее скрывать наше прошлое...

На этих словах лицо Кириана вновь стало серьезным. Всегда в напряженные моменты он поджимать губы, хоть это в нем осталось неизменным.

- Председатель, он снова начал действовать.

- Мы этого ожидали. Столько времени прошло. Не удивительно, что все вновь закрутилось, - спокойно сказал я, глядя прямо перед собой.

- Вся информация на этой флешке. Анна постаралась собрать все, что могла.

Кириан протянул руку ко мне, передал небольшую флешку и посмотрел вглубь леса, где должен располагаться охотничий домик. Взгляд задумчивый. И в нем впервые за столько лет отразился страх. То, что раньше я никогда в нем не видел. Все же, семья сделала его куда человечнее, чем он был в свои семнадцать.

Буря надвигается. И Кириану с Анной нужно быть к ним готовым. Ведь, однажды окунувшись в бездну, из нее уже не выбраться, как бы не старался.

- Председатель. Если что-то случится со мной и женой, защитите наших детей. Мы хотим держать их подальше от этой жизни... От отца... Особенно дочь... Боюсь, она слишком прозорлива и, чуть что, не будет сидеть на месте. Я хочу, чтобы она жила обычной жизнью. Окончила престижный университет, вышла замуж, прожила долгую и беззаботную жизнь.

- Хочешь для нее спокойной жизни, но сам постепенно учишь тому, что знаешь сам? - смотрю на Кириана испытывающим взглядом.

Он слабо усмехается, все еще смотря в сторону их домика. Но после его голос тяжелеет.

- Учу. Она должна уметь за себя постоять, если нас вдруг найдут. Но это не значит, что я хочу ей такой же жизни, как была у меня, - он на мгновение замолкает. - Она очень похожа на него. Ее ходы точно такие же. Даже более изощренное, - его кулаки сжимаются. - Она загоняет в ловушку, и свое положение ты замечаешь только в самый последний момент, когда больше ничего не сможешь сделать. Я не хочу, чтобы она становилась такой же как он.

Какое-то время всматриваюсь в лицо Кириана. Если его дочь так на него похожа, то она могла бы быть идеальным кандидатом для этой партии. Она могла бы положить конец тому аду, который он создает на этой земле. Но я должен уважать мнение этих детей.

Если они хотят защитить своих детей, то кто я такой, чтобы им мешать. Они перенесли слишком много страданий в своей жизни. Хоть кто-то должен прожить жизнь спокойно.

Даже если это время ограничено.

- Я сделаю все, что в моих силах.

Кириан тихо улыбнулся и еще долго смотрел куда-то вдалеку. В этой лесной глуши кроме пения птиц и шороха листьев больше ничего не было слышно. В этом было свое спокойствие. И только вставшие дыбом волоски на спине напоминали о том, что все только начинается.

Отгнав от себя воспоминания, вновь открываю глаза и

в последний раз смотрю на счастливые лица детей, которые больше никогда не смогут увидеть свою дочь.

Ставлю рамку на стол и тут же сжимаю руку от острой боли, распространяющейся по телу. Этот год мне удавалось скрывать свое состояние, но, чем ближе я буду приближаться к помеченному дню, тем сложнее это будет.

Моя жизнь стала измеряться не километрами пройденного пути, а оставшимися вздохами. Поэтому мне нужно торопиться. Нужно начать все приготовления, чтобы в итоге партия получила свой предрешенный конец.

- Прости, Кириан, я не смог исполнить данное тебе обещание. Но я сделаю все от меня зависящее, чтобы, когда все закончилось, твоя дочь осталась жива.

Глава 1. Серена

Настоящее

Смерть вибрацией отдается по помещению. Никогда раньше чужой взгляд не пробуждал во мне столь острого страха, бросающего яркие алые вспышки прямо в сознание. Но оно их не принимает. Все парализовано.

Хочется вдохнуть полной грудью, но тело отказывается повиноваться. Каждый удар сердца гонит не кровь - смертельный яд по венам.

Одинокая слеза стекает по щеке, падая на пол, но я не стираю ее. Это не слабость. Не страх. Это самое горькое воспоминание, которое всю жизнь разрывало душу на части. И именно оно сейчас разрывает душу в клочья.

Перед глазами мужчина, чья трость служит опорой телу, покрытому сетью глубоких морщин, словно трещины в камне. Серое лицо с кожей, похожей на пергамент. Взгляд ястреба, который проникает вглубь, пытаясь когтями сорвать с костей все еще свежее мясо. Его глаза серые, безжизненные, как у слепца, только видят они гораздо больше. Глубже. Болезненней.

«Ну здравствуй, il mio sangue».

Il mio sangue. Моя кровь.

*Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь.
Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь.*

*Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь.
Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь.
Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь.
Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь.
Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь. Моя
кровь. Моя кровь. Моя кровь. Моя кровь.*

- Ты все-таки выжила в тот день.

Слова, которые режут плоть сильнее любого ножа.

Я не ошиблась. Он был там. В ту ночь. Рядом со мной.

Il mio sangue. Моя кровь.

Я слышу его голос и чувствую, как в теле дрожит память.

Вспоминания дня, когда я потеряла все.

Выдыхаю, но не закрываю глаза, не отвожу от него своего взгляда. Не могу, потому что иначе меня поглотят. Я отчетливо его вижу - идеального хищника эмоций, который чувствует твой страх, желания, сомнения.

Не посмеет.

Не позволю.

- Вы были там, - придаю голосу стальной оттенок, сохраняя напускное спокойствие.

Попытка выглядеть сильной, когда на деле все трещит.

Он смотрит на меня долгим перерабатывающим взглядом, наклоняя голову чуть набок.

Изучает. Так же, как и я.

Чувство, как будто я смотрю в свое отражение, только в ту часть себя, которую никогда бы не хотела выпускать наружу.

Тошнота подкрадывается к горлу. Через силу сглатываю подступившуюся кислую слюну, лишь бы не выдать внутреннее состояние.

- Был.

Ответ звучит как отголосок скорой казни.

Вздых на середине обрывается, но я не даю себе поддаться. Замедляю дыхание, сердцебиение. Так, как будто пытаюсь остановить потоки воздуха вокруг.

Он это замечает. Губы складываются в мертвую усмешку, как у человека, идеально играющего на слабостях других. Настоящий исследователь человеческой боли, тестирующий палитру чужих эмоций.

Я уже видела нечто похожее. Всегда, переступив порог кабинета председателя, чувствовала этот внимательный, испытующий взгляд, словно единственное его желание – увидеть мысли.

Но сейчас, столкнувшись лицом к лицу с человеком, поразительно похожим на моего отца, вся ситуация обретает иной смысл.

Жизнь начинает ощущаться в другой плоскости. Жесткой. Телесной. Никаких ложных надежд. Мне нужна правда, которую сейчас может дать лишь он.

Одна из теней, преследовавших меня последние девять лет.

Но, даже не смотря на собственные догадки, я обязана спросить. Задать вопрос, давно вшитый под кожу.

Я должна услышать.

- Кто вы?

Снова тот же долгий оценивающий взгляд, но теперь в нем появляется нечто новое. Мужчина медленно поднимает голову, и его губы перестают изображать слабое подобие улыбки. Они сжимаются в жесткую узкую линию, прямо как у отца, когда он раздумывал над чем-то.

Ответ лежит на поверхности. Лежал с самой первой секунды, когда я вновь увидела его. Глаза. Движения. Реакции. Все звучит как болезненное воспоминание о потерях, которые я так и не смогла отпустить.

Тишина сгущается вокруг, становясь почти осязаемой, словно застывший цемент. Это не простое ожидание - взвешенный расчет. Моральная шахматная партия, где враг умеет ждать.

Приближаясь ближе, тень прошлого продолжает внимательно всматриваться в меня.

Нет.

Неверно.

Она поглощает все пространство взглядом, будто стремится проникнуть внутрь моей души. Забрать мои глаза, чтобы увидеть мир моим зрением. Захватить легкие, чтобы ощутить дыхание. Он, лишенный всяких эмоций, пытается понять мои.

- Виктор решил сделать из меня кукушку, - его голос сухой, но с примесью усмешки. – Вырастил чужую кровь как

собственную. Замещение вида в первоизданном виде. Но он все равно не смог скрыть в тебе мои черты. Ты не рычишь, когда происходит опасность. Не подаешь голос.

Он поочередно наклоняет голову набок то в одну, то в другую сторону, рассматривая меня как зверя в зоопарке.

Со всех сторон.

Без права укрыться.

- Твой взгляд такой же, как и у твоего отца. Смотришь не на слова, а туда, где все теряет силу и остается лишь тьма, - из его уст вырывается усмешка, на этот раз имеющая отголосок уважения. – Игрок, ставящий подписи кровью. Сын хоть что-то сделал в качестве своего долга перед родом.

Сердце начинает пересчитывать пульс.

Первое желание – сорваться и выместить весь страх, боль, потерю, злость на человеке, который привык методично выводить других из равновесия.

Второе – закончить собственную жизнь прямо сейчас, потому что память во мне взрывается и оставляет шрамы, от которых невозможно отвести взгляд.

Но я не поддаюсь тем демонам, что бушуют во мне. Я замираю. Управляю не телом – реакцией. Контроль импульса всего организма доведен до автоматизма. Боль давно стала частью памяти, а не раной. И пусть прямо сейчас моя душа словно раздета до костей, я выстою.

Всегда выстаивала.

Мужчина снова плавно склоняет голову, пристально

всматриваясь в мою суть.

- Если бы я знал, что тогда ты все же выживешь, не стал бы оставлять тебя в том доме. Только вот остается один вопрос, - он делает медленный шаг ко мне навстречу. – Скажи мне, *il mio sangue*. У тебя действительно ишемическая болезнь сердца, как и твоего брата? Ты действительно поврежденная?

Каждый его шаг вперед сопровождается четким вопросом, заданным тихо, уверенно и проникновенно. В его взгляде только метод. Он не повышает голос, не меняет тембра. Лишь снижает температуру до того минимума, когда любая маска пускает трещину.

«Поврежденная».

Будто мы говорим не о человеческой жизни, а об неудавшемся эксперименте. Об ошибке, стоящей году усилий и репутации.

А было ли иначе в этом мире?

Горькое «нет» отдается эхом в собственных мыслях.

Когда человек теряет свою власть или же хочется доказать превосходство, он становится единоличным проявлением людской жестокости. Только власть есть не только у того, в чьих глазах призраки, давно ушедших из этого мира.

Закрыв глаза, делаю медленный выдох. Вспоминаю все – как собирала себя вновь. По кускам. Через кровь и пот. Как порох горчил во рту, а ветер резал кожу. Как контроль над собой стал для меня спасением. Он же стал моей погибелью.

Мсть. Предательство. Разрушение личности. В моей власти множество людей и трупов, которые я всегда прятала за маской украшения. Только я играю по правилам шахмат, а не искусства.

Открываю глаза и смотрю перед собой. Уже не на тень – на смертного мужчину.

Он видит эту перемену в моем взгляде и коротко усмехается.

Я же стою как каменная статуя. Паралич тела прошел. Теперь оно готово к обороне от того, что угрожает смертью.

Не только он может быть ее проводником.

- Вам известно про болезнь брата, - голос звучит спокойно, даже слишком расслабленно.

Это не пугает, пусть и должно.

- Мне известно слишком многое, *il mio sangue...*

Он наконец-то делает последний шаг, подходя почти вплотную. Мы застываем друг напротив друга в полной тишине, глядя друг другу в глаза. Невозможно определить, сколько длится этот странный момент - минута, две, вечность... Ощущение времени исчезает вместе с чувством беспомощности. Осталось лишь чистое человеческое любопытство.

- Ты здорова, - вновь склонив голову набок, мужчина внимательно изучает мое лицо.

- Явно здоровее вас, - едва заметная усмешка мелькает на моих губах.

Его глаза мгновенно превращаются в узкие щелочки, черты лица резко очерчиваются, отчего тело невольно покрывается мурашками, однако я сохраняю спокойствие.

Медленно отступив назад, он продолжает сверлить меня взглядом еще некоторое время, а затем молча поворачивается и возвращается на исходную позицию.

- Ты попала в мир, где за дерзость перед мужчинами могут оторвать язык, но даже это не останавливает тебя, - он медленно разворачивается и смотрит на меня в упор. – Женщины с характером всегда мешают истории, что творят мужчины. Поэтому ты изначально не должна была жить долго. Но выжила. Украшение, которое стало оружием.

- Когда игра заканчивается, все фигуры летят в одну коробку. Так зачем мне преклоняться перед самоуверенными ублюдками, которые не видят дальше собственного носа? Не для этого я вышла из ада.

И вдруг резкий звук нарушает тишину - громкий, гулкий хохот, заставляющий сердце замереть и дыхание перехватить.словно колючий лед заледенел в жилах, впиваясь острыми иглами в каждую клеточку тела.

- Скажи мне, *il mio sangue*, - на его лице безумный оскал. – Скажи мне, кто именно вел эту партию? Виктор всегда действовал изошренно, но то, что происходило последние полгода – тонкая ювелирная работа. Ходы не просто стали точнее – они стали куда изысканнее. Не просто опрокидывание фигур, а методичное выведение их из игры. Скажи же, это

был Виктор? Или... ты?

Я храню молчание, отказываясь шевельнуть хотя бы мускулом. Но каждый миг тянулся бесконечно долго, пока на его лице снова не появилась эта зловещая улыбка.

- Подумать только. Женщина внутри системы затмила ее собой.

Не обращаю внимание на сказанные им слова, вместо этого задаю тот вопрос, который пришел вместе с вернувшимися воспоминаниями. Вопрос, который я пыталась выбить из себя вместе со всеми бессмысленными драками.

- Вы их убили?

Снова наклон головы. Долгое изучение. А после холодное заключение, направляющее пульсирующий удар в грудь.

- Ни я, ни мои люди не наносили смертельные раны твоим родителям.

В его словах не чувствуется фальши. И от этого становится только больнее.

Правда, которая режет как ложь. Взгляд, который наносит удар сильнее любого молотка. Но я не дам себе снова разрушиться. Я уже заплатила свою цену за право не сломаться.

- Тогда кто?

Мужчина не отвечает на вопрос – вместо этого направляет все внимание за мою спину. Я не слышу шаги, но чувствую знакомый аромат тела мужчины, который никогда не давал дистанции – вместо этого заставлял чувствовать, дыша в затылок.

Эзра движется осторожно, почти не дыша. Остановившись рядом, он частично заслоняет мою фигуру своим плечом, протягивая вперед руку. Бессознательная защита, которая не требует взгляда и не просит слов.

Он не смотрит, но всем видом показывает – ты не одна.

Больше нет.

И никогда не была.

- Я видел вас.

Его голос глухой, как и в тот момент, когда он стоял напротив Грэйсона. Чувства – проверка на человечность. А в нем она сейчас выключена.

Мужчина долго изучал его, слегка склонив голову, затем перевел взгляд сначала на меня, потом на вытянутую руку Эзры и снова улыбнулся.

- Мальчишка Гилберта. Последний выживший, - он громко ударяет языком по небу, а после переводит взгляд на меня. – Такой вариант я не рассматривал. Наша кровь не имеет права смешиваться с их. Помни об этом.

«Наша кровь».

Самое страшное – то самое первое желание, которое я похоронила глубоко внутри себя вместе с родителями.

Я хотела узнать правду. Отомстить. И сейчас, когда я вижу перед собой мужчину, так сильно напоминавшего мне отца, когда слышу, как он ко мне обращается, душа снова кричит от неистовой боли.

- Не переусердствуй, - мужчина смотрит на меня прони-

зывающим взглядом. – Из боли рождается власть. Из власти выбор. А выбор дает истинную свободу тому, кто его предоставляет. Ты должна понимать, что для тебя лучше. Что лучше для нас.

Он не кричал, не говорил лишнего. Лишь с болезненной точностью читал мысли того, кто должен был уже положить голову на заклятие.

Мужчина перед нами из той же масти, что и Виктор Морроне. Игрок самого высокого класса. Тот, чье присутствие ощущается лишь перед самой смертью. Мужчина с именем, которое произносят либо с уважением, либо в дату гибели. Мужчина, который принимает лишь одну валюту – агонию того, кто в последний раз приклонил перед ним колени.

И кровь этого мужчины текла по моим венам – это уже невозможно отрицать. История насилия, вплетенная в клеточную структуру. Я не выжила в тот день – я приняла решение под влиянием собственного наследия.

Тело вновь покрывается мурашками, будто годы болезненных узлов под кожей пришли в движение. Внутри нет страха или злости. Это что-то совершенно иное. Знакомое. Словно шрам, оставленный с рождения.

Эзра не видит меня, но чувствует мое состояние. Он делает один медленный шаг вперед, почти заграждая меня от мужчины, стоящего напротив.

Выдыхаю.

- Разговаривайте не с ней, а со мной, - внимание мужчины

вновь переключается на Эзру. - Вы убили мою мать?

Мужчина презрительно усмехается.

- Ты хочешь знать ответы на свои вопросы. Но неужели ты думаешь, что правда освободит тебя от боли? – он качает головой. – Наивные дети. Вы должны лишь подчиняться, а вместо этого устраиваете бунт, который лишь приводит вас к собственной смерти.

- Ответьте на его вопрос, - мой голос эхом разносится по помещению.

Он моментально обращает внимание на меня, склоняет голову набок, внимательно присматриваясь к моим чертам. Спустя пару мгновений он снова выпрямляется, превращаясь в подобие бесчувственной статуи.

- Раз уж это наша первая встреча за столько лет, я исполню твое желание, *Il mio sangue*, - он переводит взгляд на Эзру, его голос становится тверже самого жесткого металла. – Она сама выбрала смерть. Ей лишь дали выбор. Но если ты хочешь узнать правду, устрой встречу со своим отцом. Интересно, кто из вас в итоге останется на доске.

Эзра молчит, но я ощущаю напряжение каждой мышцы его тела. И чувствую не только я. Взгляд мужчины темнеет. Он учуял ее – боль. Перманентную. Ту, что невозможно содрать вместе с кожей.

Однако никаких действий он не предпринимает. Лишь издевательски кривит губы в улыбке.

- Теперь я точно знаю, кто ведет эту игру, - взгляд мужчи-

ны остановился на мне. – *Il mio sangue*, скажи мне, насколько это было тяжело? Видеть их еще теплые тела? Они же умерли не за долго до твоего прихода. Ты опоздала на каких-то жалких десять минут. Скажи, насколько было больно увидеть мертвую кровь?

«Жалких десять минут».

Слишком мало времени для того, чтобы спасти. Слишком много для того, чтобы уничтожить.

Его слова бьют хлыстом по сознанию, оставляя кровавые полосы. Но я не размазываю боль – концертирую ее. Не избегаю страданий, а смотрю в глаза неизбежному.

- Это разорвало душу на части, - мужчина уже позволил себе холодную усмешку, но быстро стер ее с лица, услышав продолжение. – Но они мое прошлое. Доказательство того, что все было не зря.

Ему потребовалось немало времени, чтобы восстановить равнодушный взгляд.

Время, полное скрытой угрозы.

Слишком долго.

Слишком опасно.

А после разворачивается и направляется туда, откуда пришел.

Мы с Эзрой синхронно поднимаем ноги, готовые ринуться следом, но два направленных на нас красных луча вынуждают немедленно застопориться.

- Я отвечу на все твои вопросы, *il mio sangue*. Но сначала я

должен лично посмотреть, к чему именно приведет эта партия. Передай Виктору, что я верну свое.

И он уходит, оставляя нас позади.

Снова без цельного ответа.

Глава 2. Эзра

Три года назад.

Жаркое солнце беспощадно палит, обжигая кожу, но это никак не влияет на скорость моего бега. Я должен держать себя в форме. Каждый день. Чтобы всегда быть наготове. Чтобы всегда суметь защитить ее.

Жажда становится мучительной, дорога наполняется машинами, и я сворачиваю по направлению домой – знаю, что мать уже стоит у плиты и готовит завтрак. Она всегда поднимается в одно время со мной, во сколько бы я не вставал. Эта женщина по другому не может – только так она проявляет свою заботу обо мне.

Спустя полчаса оказываюсь на нашей улице, взгляд сразу фиксирует знакомую машину. Нервы натягиваются струной, но ритм шага остается неизменным. Подбежав ближе, вижу у тонированной иномарки отца одного из его верных дворняг, который всюду за ним таскается.

Он не поворачивает голову, даже не отдает почтение, как обычно принято - все в семье знают, что я всего лишь тряпка, об которую единственный и неоспоримый наследник любит вытирать ноги.

Эдвард не устает посылать ко мне своих шавок, чтобы напомнить место. Точно так же, как он это сделал в нашу самую первую встречу.

Я не показываю силу - каждый раз терплю до победного, чтобы ни у кого не возникло вопросов. Моя маска – бедный сосунок, который все еще надеется на материнскую защиту. Только так у меня будет возможность, не вызвав подозрений, закончить начатое и уничтожить то, что когда-то уничтожило мать.

Но это вовсе не означает, что нельзя развлечься. Едва приблизившись к человеку в черном, мягко поворачиваю голову и одариваю его самой обаятельной улыбкой, слегка кивая мимоходом.

- На страже закона, не так ли, Бобби?

Замечаю, как у горы мышц начинают играть скулы, но он бессилён предпринять что-либо - строгий приказ отца запрещает любые действия на территории данного дома. Знаю совершенно точно, что вскоре я почувствую последствия своего поведения. Скорее всего, завтра утром, когда я выйду на очередную пробежку, меня затащат за угол одного из домов и изобьют до потери сознания, поскольку я позволю это сделать. Или же наш Бобби подождет пару дней и, когда мама отправится в больницу на очередное обследование, нападут на меня там же, а потом Эдвард поможет все это выставить как нападение психически нестабильного пациента. Вряд ли они придумают что-то новенькое.

Что ж, оно и к лучшему. Пусть продолжают считать меня бесполезным ничтожеством. Только так я буду незаметно управлять ситуацией из тени.

Продолжая идти ровным шагом и сохраняя улыбку на лице, захожу внутрь дома. Мое передвижение становится практически неслышимым, шаги еле различимы, словно само существование исчезает из окружающего пространства.

Проходя по небольшому коридору, дохожу до проема, ведущего на кухню. Но я не захожу - останавливаюсь, когда слышу стальной голос матери.

- Гилберт, ты давал мне клятву, что мой сын никогда не будет иметь общих дел с твоим бизнесом.

Облокачиваюсь о стену и прислушиваюсь к тому, что происходит в помещении за мной. Закрываю глаза, и мысленно пытаюсь воссоздать в голове все то, что слышу, но не могу увидеть глазами.

- Знаю, Андриана. Но он сам должен сделать выбор.

- Это не твои слова, - голос матери тяжелеет, словно к его всегда будничному тону подмешали свинца. – Мы оба знаем, кому они принадлежат.

- Андриана, не будь дурой, - слышу, как тяжелые шаги Гилберта разносятся по полу, а голос становится тише. – Ты и сама знаешь, как работает система в этом мире. Мы лишь пешки...

- Ты пешка, Гилберт. Только ты. И будь проклят тот день, когда я выбрала тебя, а не свою семью.

- У тебя мой сын, Андриана! Мой сын! – голос псевдо-папши начинает повышаться, и мое тело сразу же напрягается, готовясь к тому, что я все-таки сорвусь, пусть и

знаю, что этот ублюдок никогда не посмеет поднять на нее руку.

- Нет, Гилберт. Это мой мальчик, которого ты не посмеешь и пальцем коснуться, - голос матери спокоен, но в нем та сталь, которая не всем подвластна. - Если бы я не выбрала тебя, если бы не рассказала о своей беременности, ты бы никогда не узнал о его существовании. Ни ты, ни твой кукловод, который отправляет все, к чему прикасается. И он никогда не коснется моего ребенка. Никогда.

- Как знаешь, Андриана, - слышу приближающиеся шаги отца и его глухой голос. - Только ты все равно сделаешь выбор. Сама или тебе помогут. Все мы его делаем.

Когда Гилберт покидает кухню и замечает меня, он ненадолго задерживается, а затем молчаливо, одним движением головы, приглашает следовать за ним.

Обернувшись напоследок, всматриваюсь в фигуру матери, прислонившейся к кухонному столу. Ее взгляд устремлен в окно, пальцы нервно перебирают предплечья - признак тревоги, которую она пытается скрыть.

Стиснув челюсти до явного хруста, разворачиваюсь и двигаюсь вслед за банком спермы. Не сейчас и точно не перед ней мне вымещать все то, что копилось внутри годами. Выдохнув, следую за носителем той же фамилии, что и у меня. Выйдя за ворота, он замирает и смотрит в тонированное зеркало своей машины.

- Когда-нибудь ты должен будешь присоединиться к кор-

порации, Эзра.

- Или что? – лениво интересуюсь, встречаясь взглядом с ним.

Резким поворотом головы он смотрит на меня с выражением абсолютной неприязни и омерзения, горло напрягается, сосуды выступают наружу. Гилберт резко кладет мне руку на плечо и стискивает его, почти до боли.

- Иначе пострадает твоя мать, сынок, - он цедит сквозь зубы, когда наклоняется ближе ко мне. – Ты всегда должен делать выбор. Чтобы остаться в живых. Или чтобы остались близкие тебе. Подумай над моими словами, у тебя еще есть время.

Я ничего не отвечаю – только уголки губ поднимаются чуть выше в подобии утвердительной улыбки.

Высказавшись, Гилберт коротко отталкивает меня рукой и направляется к автомобилю. Открыв дверцу, Бобби помогает папаше сесть внутрь, и теперь я замечаю массивную тень, расположившуюся на заднем сиденье. По виду зрелый мужчина.

Почувствовав мой взгляд, он медленно поворачивает голову в мою сторону.

Я застываю. Словно только что меня загнали в ловушку, которую я сам же и расставил. Это чувство совсем не похоже на то, что я испытывал раньше. Не беспомощность, не желание отомстить.

Впервые во мне просыпается животный страх. И когда

он это видит – на его лице появляется садистская усмешка, как если бы палач наблюдал за корчившейся жертвой, приговоренной к казни. Воздух холодеет, а кожа болит так, будто острые кинжалы проникают глубоко внутрь. Даже когда дверь за отцом закрывается, и машина уезжает, я все еще стою в оцепенении.

Что это мать твою было?

Откуда такое давление?

- Эзра? - тревожный голос матери возвращает меня к реальности, заставив вздрогнуть всем телом.

Оборачиваюсь и вижу ее, прислонившуюся к открытой двери. Руки матери продолжают беспокойно двигаться по плечам, словно ищут поддержки. Глаза бегают от меня к концу улицы и обратно. И только грудь через чур старается сохранить видимость спокойствия.

Легко качнув головой, приближаюсь и, нежно целуя ее в лоб, большими руками обнимаю хрупкие плечи, притягивая к себе. Тело матери сразу же расслабляется, как будто она почувствовала естественную опору для себя. Надежную. Ту, которая всегда будет рядом. Теперь же на ее лице полное спокойствие, словно не было того разговора между ней и Гилбертом, который заставил ее маску треснуть.

- Прости, мам, задержался на пробежке, - говорю, быстро улыбнувшись женецине, явно слышащую мою ложь.

Не знаю, дело здесь в том, что именно она меня родила или в том, что я рос под ее тщательным надзором, но эта

женщина всегда понимала, когда ее сын пытается что-то скрыть.

- Будешь обманывать такую старушку, как я – останешься сегодня без пирога, - шутливо толкнув меня локтем, она освобождается из моих объятий и идет в дом.

Взгляд провожает ее маленькое тело, отмечая усталость на лице и опустившиеся плечи, появившиеся за последние годы. Она не просто состарилась — в ней словно потух огонь. Но в ней все еще та железная хватка, какой может обладать только дочь одного из глав. Только та, в чьих венах зафиксировано слишком много наследуемой боли.

- Лишишь собственного сына еды? Ты слишком жестока, - широко улыбаясь, комментирую ее угрозу.

- Тогда марш мыть руки и на кухню, будешь мне помогать, - сделав нарочито строгое лицо, мать топнула ногой и ушла вперед.

Остановившись на секунду, я еще раз оглядываюсь на пустующее пространство, где недавно стояла машина Гилберта.

Неприятный холодок, предупреждающий об опасности, пробежался по телу.

Я не позволю, чтобы с ней что-то случилось.

Ни за что на свете.

Внутри нарастает волнение от нахлынувших воспоминаний.

То был вечер, когда я в последний раз видел мать в живых. Рано утром я уехал в свое тайное убежище, куда привез остатки необходимого для нашей жизни. Нужно было спешить, потому что услышанный вчера разговор явно был не в первый раз. И то предостережение Гилберта – все это заставило меня начать действовать.

Уже к вечеру я вернулся домой. Все было подготовлено заранее: машина, мобильники, которые невозможно отследить и паспорта с новыми личностями. Готово было абсолютно все.

Но когда я вошел домой, понял - было уже слишком поздно.

Мать висела под потолком, ее руки и ноги безвольно болтались вдоль безжизненного тела. На лице же у нее все еще была слабая грустная улыбка – как будто умирала она со всей внутренней стойкостью, что у нее была.

Только на столешнице рядом с ней лежала маленькая записка с аккуратно выведенными буквами.

Не помню, как долго просидел возле нее, не помню, как разгромил дом, как соседи вызвали милицию. Не помню, как вывозили тело матери – в памяти отпечатался только запах мяты и удушающей пустоты. Он запомнился мне на всю жизнь, потому что был пропитан лишь потерей.

Смертью, унесшей последние остатки надежды.

Я никогда не верил в совпадения. Все было в тот вечер слишком чисто. Слишком удобно для обычного суицида. В

нашем мире следы стираются проще, чем ложь. Я долго искал ее – тень, которая смотрела сквозь зеркало. Но за все эти года так и не смог найти, как бы не старался. Даже те крохи, что давал мне Морроне – не привели ни к чему кроме единственной зацепки в лице Грэйсона. И то он не успел ничего сказать перед своей смертью.

Я был в будке видеонаблюдения, когда по камерам увидел застывшую дьяволицу и приближающуюся к ней тень. Ту, что я навсегда запечатлел в памяти. Даже не находясь там, а лишь наблюдая через камеру, ощущение стерилизованного страха накрыло с головой. Напряжение поднялось от запястий до плеч, доходя до каждой клетки.

Ноги сами меня понесли сюда. В этот момент я не думал о матери, не думал ни о чем, кроме той, кто точно так же навсегда может пропасть. Исчезнуть, оставив меня одного. И все после встречи с человеком, о котором ничего не известно. После встречи с тем, кто принял облик скорой смерти.

Я инстинктивно прикрыл ее собой. Незаметно для него, но ясно для нее. Знаю, ей не нужна защита. Никогда не нужна была. Но я не мог поступить иначе с той, кто стал для меня самой жизнью.

Я не смотрел на дьяволицу, вместо этого сосредоточил все внимание на мужчине передо мной. Ощущение, словно вернулся в прошлое. Взгляд, которым он смотрел на меня в первую нашу встречу три года назад. Улыбка, которой он заставлял тело застыть. Давление, от которого хочется убежать.

«Она сделала свой выбор».

Все чувства стали обострены.

Связано ли это с нашей встречей или с тем, как он смотрит на дьяволицу?

Я не знал.

Но то, как он к ней обращался, с каким восхищением на нее смотрел – выводило из себя. Я хотел уничтожить его. Защитить ту, что явно стала предметом охоты.

Охоты, в которой ты либо подчиняешься, либо умираешь.

И снова я могу лишь смотреть, как мужская тень удаляется, наградив перед исчезновением широкой безжизненной улыбкой. Той, которую я больше никогда не смогу забыть. Я бы последовал за ним даже наплевав на снайперские винтовки, направленные на нас. Но под обстрел попал бы не только я.

Повернув голову, смотрю на дьяволицу и тут же стискиваю челюсти. На ее лице ноль эмоций, как будто из нее выкачали все остатки жизни.

Нет, это не совсем так.

Холодная решимость и предрешенность. Вот что явно читается в ее глазах. И это впервые, когда я ощущаю такое давление от нее. Удушающее. Бесчеловечное.

То же, что и от мужчины, только что стоявшего перед нами...

Не отводя от нее взгляда, медленно тянусь своей ру-

кой к ее. Почувствовав прикосновение, она оборачивается и всматривается в мое лицо, словно ища опоры.

Мне не нужно слов, чтобы увидеть ее. Чтобы все понять по взгляду. То, что испытала она, отражается и во мне. Вернувшиеся потери, ожившие страхи. Только теперь у меня нет желания исчезнуть вместе с ними.

Я хочу переписать память и судьбу, чтобы между нами больше не было запрета и крови.

Хочу вытащить ее. Из самой себя.

Наблюдаю, как взгляд дьяволицы медленно перемещается с моих глаз на яркую красную точку лазерного прицела, точно нацеленную на грудь.

Она не злится, не теряется, лишь снова поднимает свои глаза и смотрит прямо на меня. В ее взгляде полное спокойствие и невысказанная мысль, которую я точно понимаю – мы не умрем.

Не потому что не можем – все дело в последних сказанных словах.

Мы еще должны жить, чтобы сыграть в последнюю партию. И мы сыграем. Потому что ответы на все вопросы совсем близко.

- Эзра, - дьяволица шепчет, я же фокусирую свое внимание исключительно на ней. – Пойдем отсюда.

Снова изучаю ее лицо. Протянув свою руку к ней, стираю остатки одинокой слезы, а после, не отрывая от нее своего взгляда, коротко киваю. Дьяволица слабо улыбается и делает

шаг в сторону выхода – совсем противоположного. Не того, куда ушел тот мужчина.

Мы молча идем по коридорам, пока не выходим на улицу и не садимся в машину. Завожу мотор двигателя, и мы уезжаем подальше от этого места. Как будто оба стремимся оставить все произошедшее там. Только мы не можем. Никогда не могли.

- Что планируешь делать дальше? - задаю вопрос, не отвлекаясь от дороги, но боковым зрением замечаю, как дьяволица откинула голову на подголовник кресла.

- Первым делом зайду к председателю, - она выдыхает. - А после нужно найти место, куда даже он не сможет протянуть свою руку.

- У меня есть такое на примете, - только сейчас поворачиваю свою голову и смотрю прямо на нее.

Дьяволица на мгновение сужает глаза, но потом ее лицо вновь расслабляется, позволяя легкой улыбке коснуться уголков губ.

- Предлагаешь свое логово для нас? – она снова наклоняет голову набок, изучающим взглядом наблюдая за мной.

- Мы успеем его превратить в брачное гнездышко после, а пока сосредоточимся на том, чтобы наконец закончить твою партию. Иначе я начну переживать, вдруг ты снова захочешь выкинуть меня из игры.

Дьяволица вновь усмехается, после чего сразу же отводит взгляд к окну.

Я же тихо выдыхаю.

«Спасибо, Эзра».

«За то, что просто был рядом в тот день, когда я закричала. За то, что был».

Своими чертовыми словами дьяволица самолично разрушила последнюю стену в моем сознании. Я больше никак от нее не защищен. Эмоции стали оружием, а желание общим полем боя.

Опасность.

Я сам позволил чувствам управлять собой. И я не жалею. Не после того, как она мне так открылась и теперь сердце сжимается от желания и запретной тяги.

Но ей требуется время. Нам обоим оно нужно, чтобы во всем разобраться и наконец поставить точку в жизнях Эзры Блоссомы и Серены Морроне.

А для этого первым делом следует задать вопросы тому, кто протянул руки каждому из нас.

Глава 3. Серена

Едва переступив порог дома, мы натолкнулись на Лорен. Она тут же повела нас в кабинет, поскольку именно там сейчас находился председатель.

Эзра двигался следом, не оказывая давления. Дыхание медленное, еле ощущается, шаги бесшумные. И только взгляд, ощущаемый каждой клеточкой тела, давал понять – он рядом. Сейчас он не был обычным партнером в мой сделке с дьяволом. Он был чем-то гораздо большим. Тем, что могло помочь не сорваться.

Когда мы доходим до кабинета, он выступает вперед, так быстро, что мозг не сразу фиксирует это движение. Его рука задерживается на ручке чуть дольше обычного, поэтому я поднимаю взгляд и встречаюсь с его арктической глубиной.

Мне не нужно говорить «я сама справлюсь» - он это и сам прекрасно знает. Вместо этого он смотрит на меня с той выдержанной паузой, в которой было больше заботы, чем нам обоим позволено в данных обстоятельствах. И она отражалась не только в его глазах, но и в моих.

В последний раз выдыхаю. Позволяю себе проявить каплю эмоций и слабости перед ним и только для того, чтобы снова обрести ту силу, что стала для меня второй кожей. Отвернувшись, тяну руку к дверной ручке как раз в тот момент, когда Эзру убирает свою. Без колебаний открываю дверь ка-

бинета - формальности теперь излишни.

Председатель восседал в кресле, крепко сжимая телефон. Настолько сильно, что сквозь бледную болезненную кожу проступали сосуды и жилы. Быстро окинув взглядом сначала меня, потом остановившись на Эзре, он быстро надевает на себя привычную маску полной отреченности и сдержанности.

Только уже поздно – я заметила эту перемену.

Без лишних церемоний занимаю свое обычное место, положив ногу на ногу. Легко. Так, словно сердце не колотится в бешеном темпе последние два часа. Мимолетом бросив взгляд на шахматную доску, лежащую на столе перед нами, перевожу его на главу Морроне.

- Важный разговор? - слегка склонив голову набок, интересуюсь с легкой ухмылкой.

Председатель коротко моргнул, произнес лаконичное «я понял» и завершил беседу. Его цепкий взгляд устремлен прямо на меня. Но он молчит. Выжидает, когда я заговорю первой.

Только я не собираюсь играть по его правилам. Во мне слишком много боли, чтобы послушно подчиняться. А если больно – нужно стать фигурой опасности.

Опасность...

Никто от меня ничего не требовал. Лишь я сама. Сама воздвигала в своей голове рамки, сама загоняла себя под выдуманный шаблон, только бы стать той, кто им нужен. И вый-

ти из всего этого я тоже должна сама.

Теперь же я не позволю обесценить собственную позицию, даже если другие будут считать меня стереотипом.

Улыбка на моем лице становится шире, но все еще остается холодной и отстраненной.

- Вы встретились.

Одно предложение, сказанное с придыханием, но в нем читается гораздо больше, чем я предполагала.

Нервно подрагивая уголком рта, я плавно опускаюсь на мягкую спинку дивана, не отрывая взгляда от того, кто долгие годы искусно нами манипулировал. Только сейчас одна из нитей оказалась порванной.

Впервые я вижу его иначе. Глубже. Жестче.

Как ученик, который решил пригласить мастера на финальную игру.

- Вы в замешательстве, - в моем голосе холодная констатация факта.

- Я слишком многое пережил, чтобы чему-то удивляться, дитя.

Я усмехаюсь. Громко и непочтительно.

Одна маска снята, сразу надеваю другую.

- Вам нужно больше репетировать, чтобы я поверила в ваш очередной спектакль.

Мой голос звучит мягко, почти вежливо. В точности повторяя тембр и ударные как в тот момент, когда председатель уверял меня в своей заботе. Получилось настолько точ-

но, что мозг вывесил предупреждение – еще чуть-чуть и возврата не будет.

Но он мне и не нужен.

- Что случилось, *дедушка*? Отчего ваше сердце бьется чаще?

Я наклоняюсь к нему ближе, накрывая его сжатый кулак своей ладонью. Председатель не отводит от меня взгляда, лишь продолжает наблюдать, в то время как в моих глазах появляется холодный металл.

- Скажите мне, неужели вы не были готовы к моей встрече с собственным дедушкой? Или вы боитесь, что я могла узнать что-то лишнее?

От моих слов великий Виктор Морроне теряет самообладание – его броня дает трещину. Ту, которую он больше не собирается скрывать. Хладнокровие больше не может считаться второй кожей.

Маска всегда носит тонкую грань между правдой и обманом. Пришло время правды, которая окажется смертельной. Раз прошлое столкнулось с настоящим, единственный шанс на жизнь – лишь принять весь хаос, который сможет только собранное по кусочкам тело.

Уже давно семейством Морроне управляет не властный мужчина, внушавший ужас окружающим. Точно не мне.

Сейчас передо мной всего лишь старик, чрезмерно задержавшийся на посту гроссмейстера, так долго находившийся у власти, что окончательно утратил контроль над собствен-

ной игрой.

Наступает тишина. Хищная, математически точная.

Его задели мои слова. Именно последние. Реакция морщин вокруг глаза, секундное сужение зрачков. Слишком честная реакция, которая выдала гораздо больше, чем спрос.

Виктор Морроне всегда был стерильным в проявлении эмоций. Но сейчас эта стерильность напоминает фальшь.

- Что конкретно ты хочешь знать? – его голос тихий, как шаг без звука.

Чувство дежавю накатывает с головой. Как и тогда, с Рейком. Только сейчас я не боюсь распасться на осколки.

- Для начала, - делаю паузу, когда сердце на миг сбивается с ритма. – Кто я такая.

Председатель вместо ответа переводит взгляд на Эзру, стоящего позади меня.

Тишину нарушает едва слышимый шорох шагов: тот осторожно подходит ближе и занимает место напротив, приняв ту же вальяжную позу, что и в первый день, когда я заметила его в этом доме. Только на лице больше нет прежней самоуверенной ухмылки - она уступила место ледяной отчужденности того, чья жизнь давно превратилась в ад.

Вновь бросаю вопрошающий взгляд на председателя. Он едва заметно выдыхает, приняв не только меня, но и Эзру в своем кабинете, а после устало оседает на спинку своего кресла.

- Дитя, я не знаю, что именно случилось той ночью... - моя спина невольно напрягается от услышанного. - Могу лишь рассказать, кем именно был Матео Санторо.

- Значит, так его зовут, - впервые Эзра вмешался после нашего долгого молчания с момента беседы в автомобиле.

Взгляд председателя метнулся к нему.

- Ты его видел в прошлом, не так ли?

- Видел.

Председатель едва заметно улыбается уголком губ, затем прикрывает веки. Так, словно пытается отвести взгляд от хищника.

- Матео Санторо был человеком, жившим вне рамок нравственности. Его целью было достижение целей любыми средствами. Убийства никогда не были для него проблемой – он самолично убрал свою жену, когда та хотела уйти из «нашего» мира. Она получила свободу - правда, только такую, какую понимал он сам. И единственный человек, которому удалось после побега прожить не один десяток лет был...

- Мой отец, - перебиваю, на что председатель открывает глаза и, посмотрев на меня, лишь утвердительно кивает. - Вы говорили, что знали отца задолго до беременности матери.

- Да. Твои родители познакомились как раз в тот период, когда Кириан хотел скрыться от своего отца.

- Но они все равно работали с вами. Тогда в чем был смысл?

Губы председателя складываются в тонкую черту, кото-

рую не стоит переступить. Всего лишь на мгновение, но его дыхание будто оборвалось. В кабинете воцарилась тишина. Даже мягкий звук настенных часов стих.

В груди зародилось беспокойство. Я не кормлю его вниманием – лишь выжидаю. Но догадка сама подкралась. Незаметно. Без запроса на приближение. Пальцы невольно сжались вокруг ткани шорт.

- Как думаешь, что произойдет с человеком, если он увидит момент смерти собственных родителей?

Этот вопрос заставил вжаться в кресло, пытаюсь найти точку устойчивости.

Снова.

Второй раз за чертовски длинный день.

Но не сам вопрос вызвал теперь такую реакцию, а то, куда он прокладывает путь. В голове сразу же всплывает сцена насилия, от которой холодеет кожа.

Делаю медленный вздох, который не освобождает – только сильнее сковывает невидимыми, но ощутимыми цепями.

- Отец, - пауза перед единственным, что я смогла сказать, звучит длинное выстрела.

Председатель тихо кивает.

- Кириан хотел освободиться от власти своего отца, и я поддержал его стремление. Помог твоим родителям создать новое будущее вдали от Матео. Они знали, что между нашими семьями ведется война, и сами вызвались помочь. Но когда Анна поняла, что ждет ребенка, они решились уй-

ти. Я позаботился об их безопасности. Поначалу мои люди всегда держались поблизости. Спустя время в защите больше не было надобности. Но Анна и Кириан не прекращали собственное расследование. Они постоянно контролировали действия твоего деда. Человека, который никогда не забывал тех, кто посмел бросить ему вызов. Иногда мы встречались с твоим отцом. Раз в год, когда вы выезжали на охоту перед твоим днем рождения. Или же в те моменты, когда Анна находила новую информацию.

В голове всплывают воспоминания. Внезапные поездки в лес, пропажа отца на целый день, настороженность матери. Все складывается в единый пазл.

Слишком правильный. До такой степени, что кажется ложью.

Но остался один неясный момент. Тот, что не давал мне покоя с самого первого дня моего возвращения в резиденцию, когда Джулл удалось расшифровать код матери и получить доступ ко всем документам на жестком диске.

- Если у вас была вся информация, которую выдавала мать, почему вы не воспользовались ей? Ее было много, и я уверена, что у вас получилось бы раз и навсегда убрать своего конкурента. Даже такого, как Матео.

- Не забывай про мою болезнь, дитя, - председатель тяжело выдыхает. - Я не мог начать вести игру, если не был уверен, что не доживу до этого момента. Я сеял плоды, которые выросли и дали свою почву, чтобы ты смогла сделать свое де-

ло.

«Сеял плоды».

«Сделать свое дело».

На лице появляется слабая улыбка. Не только ради того, чтобы скрыть бушующий в глубине души океан эмоции – скорее, она была вымученной, горькой. Опускаю взгляд на шахматную доску и смотрю на расстановку фигур, которые с каждым моим приходом в кабинет меняют свое положение. Они не просто сопровождали мои действия – они сопровождали всю мою жизнь.

- Вы учили меня тому, что месть не должна кричать. Она должна прийти в самый спокойный момент. Улыбка, затем нож в сердце, - не смотрю на Эзру, но чувствую напряжение, исходящее от него, не реагирую. – Сила в терпении. В выжидании, - снова возвращаю взгляд к председателю. – Но я могла и не сыграть по вашим правилам.

- Ты чистый нерв, Серена... Я с самого начала учил тебя рассматривать жизнь как шахматные ходы, - председатель делает паузу. – Планировал научить. Но правда в том, что мне не пришлось этого делать. В тебе *его* кровь. *Его* ДНК. Не все верят в то, что черты характера могут наследоваться. Но жизнь упорно показывает, что это возможно. Только ты могла изменить правила игры, которые десятилетиями казались нерушимыми. Ты была единственной, кто смог бы освободить родителей от погони, в которой они прожили всю жизнь. Даже если для этого им пришлось умереть.

Его голос сухой. Ровный. Без эмоций.

Мир сжимается до одного человека. Тени, которая наконец-то обрела форму.

Тишина опустилась на нас с тяжестью как от стального удара.

Закрываю глаза и коротко выдыхаю. Начинаю считать секунды, чтобы восстановить сердечный ритм и сравнить его со звуком часов.

Кулаки сжались до такой степени, что костяшки заныли в тупой агонии. Воздействие услышанных слов на меня филигранное, почти болезненное по своей точности. Они бьют в ту часть меня, которую я тщательно пыталась закопать, но так и не смогла.

Сдаться легко. Продолжать – значит испытывать неистовую боль. Я выбрала боль. Всегда выбирала.

Открыв глаза, устремляю взгляд на шахматную доску, принимая ее за единственную опору. Ту, что была со мной на протяжении всех этих десяти лет. Нет. Казалось, она была с самого начала. Еще в тот день, когда отец впервые посадил с собой за шахматной стол семилетнюю маленькую девочку в надежде показать ей правила, которые она приняла слишком быстро.

- Почему вы подменили мои записи?

Слышу усталую усмешку.

Мы оба слишком долго находимся в этой игре.

- Прослушиваешь меня? – в голосе нет угрозы, только чи-

стая заинтересованность.

- Неужели вы думали, что я поступлю иначе после сокрытия правды о том вечере?

Поднимаю взгляд на председателя в ожидании ответа, который получаю сразу же.

- Матео Санторо всегда нужен был чистый наследник. Без отклонений в здоровье. Если бы он узнал, что ты полностью здорова, ты стала бы его целью. Но ты уже сама с ним встретишься. Гораздо раньше, чем я предполагал.

- Он искал меня.

- Конечно же искал. Ты копия Анны. Такая же внешность. И такой же характер, как и у твоего отца. Матео никогда бы не упустил этого из виду. Поэтому мне нужно было перестраховаться.

Перестраховаться...

Хочется спросить, в чем именно заключалась его страховка, но я уже и так догадываюсь – превратить мою жизнь в ад, держать на грани жизни и смерти и давать ту дозу информации, что не снесет единственным ударом все здравомыслие.

Только даже это не помогло.

- Есть ли еще что-то, что вы мне не рассказали? – задаю свой вопрос с холодом в голосе, так как знаю, что иначе дам слабинку.

Председатель выдыхает.

- Серена, дай мне время. Мне не так долго осталось, - он смотрит на мои ноги, туда, где прикреплен старый ножик.

Он не говорит о своем желании, я же в ответ ничего не спрашиваю. Одного взгляда достаточно, чтобы понять его волю. Всегда было достаточно. Не отводя взгляда, открепляю от португалии подарок отца и протягиваю его председателю.

Он не говорит лишнего – раскрывает лезвие и делает надрез на своей левой ладони. Не глубокий, но достаточно большой, чтобы пролилось достаточное количество крови.

Клятву всегда нужно чем-то закреплять. Или на чем-то клясться. И председатель выбирает единственную нерушимую для него вещь – он вытягивает свою ладонь над шахматной доской и сжимает ее в кулак. Алые капли падают на фигуру белого короля. Ту, что олицетворяет самого Морроне.

- Я даю тебе клятву, Серена Морроне. Когда придет время, ты узнаешь все, что хочешь. Но мне нужно еще немного, чтобы завершить свои дела.

Впервые этот человек не просто отдает приказ – это просьба.

Казалось, даже искренняя.

- Только в знак уважения всему, что вы мне дали. Но когда я в следующий раз приду за ответами, я хочу их получить.

- Ты получишь, дитя. Ты обязательно получишь все, о чем так долго мечтала.

Наступила тишина. Оставалось еще множество вопросов. Но я не стала их задавать. Он просил дать время – я дам. Потому что я обязана.

В последний раз.

Последняя просьба того, кто протянул мне руку.

Того, кто ради меня пролил кровь.

- Что на счет моей матери? - Эзра задает вопрос.

Я замечаю его состояние: тело спокойно, глаза неподвижны - он словно замер, остановившись в мгновении вне времени. Однако внутри него все еще таятся демоны, которых я успела хорошо изучить. Они не дают покоя и возможности отступления.

И председатель ощутил перемены в манере поведения Эзры, хотя особого внимания этому не уделил. Не было привычной улыбки, не было угрозы хищника – лишь спокойствие человека, который уже смирился с приближающимся концом и наконец позволил быть себе чуточку честнее.

- Андриана прекрасно понимала, кем является Матео. Она не могла не знать, потому что была ближе всех к Гилберту.

Сделав небольшую паузу, председатель взглянул на реакцию Эзры, однако увидел лишь холодную отрешенность. Мужчина, лицо которого сейчас словно высечено из камня. Заметив это, председатель продолжил.

- Она была единственной, к кому Гилберт относился иначе. Он выполнил ее просьбу не делать тебя прямым наследником, пусть и обозначил твою позицию. Только один человек мог в любой момент поставить твою фигуру на шахматный стол. Точнее, именно переставить. Ты и так на ней стоял

с самого начала своего появления на свет.

- Она имела связь с прокуратурой?

- Андриана давно начала собирать информацию. Она передавала ее нам, когда еще Кириан и Анна были в организации. Но после их ухода она оборвала со мной все связи и скрылась с тобой в доме на окраине города.

- И почему же я не должен был об этом знать? – впервые за весь разговор голос Эзры стал угрожающе низким.

- Тогда ты бы сбился со следа, - председатель внимательно всматривается в Эзру. - Кто, по-твоему, виноват в гибели твоей матери? Ты же сам знаешь, что такая женщина не способна уйти добровольно?

- Разве это не Санторо?

Председателя усмехается, затем снова погружает взгляд в шахматы, стоящие перед ним. Прослеживаю за его направлением и замечаю черную фигуру ферзя. Одну из немногих оставшихся фигур на доске.

- Серена? – отрываю взгляд от доски и смотрю на председателя. – А ты что об этом думаешь?

Не отвечаю сразу – вместо перевожу взгляд на Эзру.

Он смотрит на меня. Прямо. Не отводя взгляда. С ожиданием моего решения. И в этом его полное доверие. То, что мы стали открыто друг другу показывать.

Выдыхаю, готовая произнести то, что он никак не готов услышать.

- Гилберт Блоссом.

Эзра молчит, лишь слегка склоняя голову набок и приподнимая бровь в знак вопроса.

- Сегодня этот мужчина открыто заявил, что тебе необходим Гилберт. Пусть даже твоя мать имела отношение к прокуратуре, ответственность нес бы твой отец. Так как именно он должен был ее приручить.

Собственные слова буквально выворачивают меня изнутри.

Если убрать лишние эмоции, именно так устроен наш мир: наказывают того, кто не сумел удержать собственную собаку на коротком поводке. Я убеждена, что именно таким образом воспринимает окружающих Матео Санторо. И не только он. Даже я в какой-то момент стала воспринимать людей как тех, на кого стоит нацепить ошейники. Меня отличало только то, что я никогда не затягивала их достаточно сильно. И однажды это чуть не стало моей ошибкой.

Эзра молчит. Он смотрит на меня, но сам будто бы не здесь.

Тем временем председатель встает со своего места, сильнее обычного опираясь на свою трость, а после, проходя мимо, легонько касается рукой моего плеча. Той, что все еще несет на себе остатки теплой крови.

- Скоро тебе предстоит новая встреча с ним, - он говорит, и я понимаю, кого он имеет в виду, даже не задавая уточняющих вопросов. - После нее ты придешь ко мне. Тогда я открою тебе всю правду, которую ты хочешь услышать.

Огромная рука председателя мягко покидает мое плечо, и он медленно удаляется из комнаты.

Его слова пульсацией отдаются в голове.

Не страх. Не предвкушение.

Предостережение?

Не знаю.

Взгляд возвращается к шахматной доске. Среди черных фигур остались лишь король, четыре главные фигуры и единственная пешка. Белые же представлены королем и пятью фигурами первого ранга. Пешек на поле больше нет. Пусть по расположению и кажется, что белые побеждают, но на самом деле это не так.

Здесь нет черных и белых – есть сила против силы.

Власть против власти.

Только вот кто именно какую роль играет в этой партии – все еще загадка. Одно ясно – Гилберт не король в этой партии. Ферзь? Офицер? Нет...

- Какой его следующий ход?

Отрываю свой взгляд от доски и смотрю на Эзру.

Понимаю, что он смотрел на меня все то время, что я размышляла над положением фигур. Выдохнув, едва заметно улыбаюсь.

- Следующий ход наш, - отвечаю, вновь концентрируя внимание на конкретной фигуре. - Председатель сделает его лишь в самом конце.

Встав со своего места, в последний раз бросаю взгляд на

фигуры, которые не подсказывают – кричат о следующем ходе. Председатель, как и я решил сделать гарде².

- Дьяволица, - Эзра зовет еле различимым шепотом.

Я молча смотрю на него, ожидая продолжения, но он медлит. Минуты проходят одна за другой, пока он, тяжело вздохнув, наконец поднимает глаза.

- Не действуй в этой партии без меня.

Его пристальный взгляд прожигает кожу, оставляя на ней отметины. Сердце щемит от понимания, что обещания, которого он ждет, дать я не смогу.

Не сейчас.

Уголки губ едва заметно вздрагивают, но я не отвечаю - молча выхожу из кабинета, оставляя его наедине со своими мыслями.

Опять сбегаяю.

Прячусь там, где чувствую себя своей даже в этом мертвом доме. За закрытой дверью комнаты рушусь на кровать. Единственное желание - выкричать все то, что не смогла сегодня сказать. Выплакать все те слезы, что так и не смогла пролить.

Закрыв лицо подушкой, разрываю тишину голосом, рвущимся наружу на предельной громкости. Не думаю о том, что кто-то может услышать или зайти.

Знаю - никто не станет.

Они услышат.

Но не увидят.

Память волнами возвращается, как в киноработе показывающая события прошедшего дня в пробирающем до костей черно-белом цвете. Разговор с Эзрой. Запись голоса председателя. Встреча с Санторо. Обещание Морроне...

Слишком много.

Даже для меня.

От крика становится легче. Продолжаю рвать глотку. Снова и снова. Пока горло не начинает кровоточить. Слезы струятся по лицу, пропитывая подушку солеными дорожками. Тело напряжено до предела, каждая его клетка готова сорваться в бой.

Кричу еще сильнее.

До тех пор, пока силы не покидают меня.

Я наконец-то выдыхаю.

Глава 4. Серена

Едва проверив состояние Ника, я немедленно выхожу на привычную пробежку.

Солнце только начало подниматься над горизонтом, но вместо утренней прохлады лишь адская жара, словно мы оказались посреди пустыни.

В мыслях царит хаос.

Ник слышал то, что вчера происходило в моей комнате, но ничего не сказал. Лишь мягко улыбнулся и посмотрел с той долей поддержки, которой я явно недостойна. Никогда не была. Тоже самое сделала Джулл. Никаких расспросов, никакого давления.

И за это я им чертовски благодарна.

Мне все еще тяжело себя контролировать. Тот факт, что я дала волю чувствам, еще не знаменует исцеление. Даже близко. Я слишком долго прожила без права быть уязвимой, живой. Быть способной любить. Мир всегда требовал быть мертвой внутри, но я так и не смогла этому научиться. И я все еще не чувствую себя в безопасности в собственном теле. Особенно после вчерашних событий.

С чего все началось? И как долго на самом деле длится эта партия?

Я имею все основания на месть. За родителей, которых несправедливо убили. За отца, который так и не смог вы-

рваться из мира, полностью стирающего волю. За ту часть себя, что когда-то надеялась на счастливый конец.

В свои пятнадцать я уже понимала, что детская наивность может стать роскошью, цена за которую - пролитая кровь. Что уважение невозможно заслужить только положением или протоколом. И, если ты действительно хочешь иметь рядом с собой людей, готовых остаться даже после приказа стереть себе память и уйти – нужно иметь нечто большее, чем просто корону.

Но смогу ли в итоге принять решение, которое будет сильнее власти?

Снова тот же ответ – я не знаю.

Покидая лесную опушку, я бегу вперед, намереваясь вернуться в резиденцию. Но перед самым домом мое внимание привлекает фигура Рейка. Облокотившись на каменную колонну, он медленно затягивается сигаретой. Взгляд сфокусирован на мне.

Приблизившись, наклоняю голову набок.

- Меня ждешь?

Он игнорирует мой вопрос, лишь указывает рукой в направлении тропинки, ведущей к амбару и коротким «пошли» зовет за собой.

Без лишних расспросов делаю пару наклонов головы в разные стороны, разминая шейный суставы, и направляюсь вслед за ним. Между нами молчание, осязаемое и едкое.

Яркое солнце заставляет прикрыть глаза, поэтому каждый

шаг происходит вслепую. Но я все равно останавливаюсь в паре метров позади Рейка, когда он застывает на месте. Открыв глаза, вижу наставника, смотрящего на меня с едва заметным прищуром, но не от солнечных лучей – он наблюдает. На земле вокруг него повсюду рассыпаны металлические прутья, деревянные дубинки и прочие инструменты.

Бросив быстрый взгляд на весь этот хаос, вновь смотрю на своего учителя.

- Нападай, - его голос звучит лениво, даже бесстрастно.

Поднимаю одну бровь, на губах усмешка.

- Серьезно? Спарринг под палящим солнцем?

- Нападай, - его голос звучит все так же, но в глазах теперь появилась настойчивость.

Я слишком долго пробыла рядом с Рейком, чтобы не догадываться о цели этого боя. Он снова хочет вывести меня на эмоции. Устроить нравоучительную терапию в своем духе, чтобы встряхнуть во мне чувства и по итогу прочесть очередную нотацию.

Приторно ему улыбнувшись, начинаю осторожно двигаться вперед. Замедленно, словно хищник, выжидающий подходящий момент для атаки. Подойдя вплотную, едва заметно касаюсь рукой его плеча, стряхивая воображаемую соринку.

- Может тогда сам нападешь, раз тебе так подраться хочется? – в моем голосе явная провокация, слишком наглая для той, кто столько лет был под его началом.

Рейк не заставляет себя ждать – его рука стремительно рассекает воздух, готовая нанести боковой удар, однако я опережаю его, отражая нападение. Один удар сменяется другим, но каждый раз моя защита оказывается прочнее. Наконец, заметив его слепую зону, делаю выпад, но Рейк мгновенно парирует мою попытку, оставляя меня с рассеченной губой.

Сделав пару шагов назад, окидываю взглядом своего учителя и, ухмыляясь, сплевываю струйку крови.

Тело под воздействием такой температуры истощается быстрее. Кожа обожжена палящим солнцем. Все это заставляет нервы войти в безумный ритм.

- Что, даже не пожалеешь?

Жду его вспышки реакции, мельчайшего признака того, что в нем, как и во мне, бушуют эмоции. Но вижу лишь раздражающую безмятежность, которая сопровождает каждую тренировку.

- А тебя разве нужно жалеть?

Усмехаюсь. Он прекрасно знает ответ.

- Совсем забыла, чему я тебя учил, - он говорит с легким нажимом. - Работай не над мышцами, а над тем, как ощущается воздух вокруг тебя. Не обстановка должна влиять на тебя, а ты на нее. Только так ты сможешь победить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.